

Гумилев Николай Степанович

03(15).04.1886–24.08.1921

Н.С. Гумилев родился 3(15) апреля 1886 года в Кронштадте, где его отец, Степан Яковлевич Гумилев, окончивший гимназию в Рязани и медицинский факультет Московского университета, служил корабельным врачом. По некоторым сведениям, семья отца происходила из духовного звания, чему косвенным подтверждением может служить фамилия (от латинского слова *humilis*, «смирный»), но дед поэта, Яков Степанович, был помещиком, владельцем небольшого имения Березки в Рязанской губернии, где семья Гумилевых иногда проводила лето.

Мать Гумилева, Анна Ивановна, урожденная Львова, сестра адмирала Л.И. Львова, была второй женой С.Я. Гумилева и на двадцать с лишним лет моложе своего мужа. У поэта был старший брат Дмитрий и единокровная сестра Александра.

Гумилев был еще ребенком, когда отец его вышел в отставку и семья переселилась в Царское Село. Свое образование Гумилев начал дома, а потом учился в гимназии Гуревича, но в 1900 году семья переехала в Тифлис, и он поступил в 4 класс 2-й гимназии, а потом перевелся в 1-ю. Однако пребывание в Тифлисе было недолгим. В 1903 году семья вернулась в Царское Село, и поэт поступил в 7 класс Николаевской гимназии, директором которой в то время был и до 1906 года оставался известный поэт Иннокентий Федорович Анненский. Анненскому обычно приписывается большое влияние на поэтическое развитие Гумилева, который, во всяком случае, очень высоко ставил Анненского как поэта. По-видимому, писать стихи (и рассказы) Гумилев начал очень рано, когда ему было всего восемь лет. Первое появление его в печати относится к тому времени, когда семья жила в Тифлисе: 8 сентября 1902 года в газете «Тифлисский листок» было напечатано его стихотворение «Я в лес бежал из городов...» (стихотворение это, к сожалению, пока не разыскано).

По всем данным, учился Гумилев плоховато, особенно по математике, и гимназию окончил поздно, только в 1906 году. Зато еще за год до окончания гимназии он выпустил свой первый сборник стихов под названием «Путь конкистадоров», с эпиграфом из едва ли многим тогда известного, а впоследствии знаменитого французского писателя Андре Жида, которого он, очевидно, читал в подлиннике.

Из биографических данных о Гумилеве неясно, что он делал сразу по окончании гимназии. А. Ахматова, упомянув, что ее муж, окончив гимназию, по желанию отца поступил в Морской корпус и был одно лето в плавании, прибавляет: «А поэт по настоянию отца должен был поступить в университет», и дальше говорит, что он решил уехать в Париж и учиться в Сорбонне. Согласно словарю Козьмина, Гумилев поступил в Петербургский университет уже гораздо позднее, в 1912 году, занимался старофранцузской литературой на романо-германском отделении, но курса не окончил. В Париж же он действительно уехал и провел там 1907–1908 годы, слушая в Сорбонне лекции по французской литературе.

В Париже Гумилев начал издавать небольшой литературный журнал под названием «Сириус», в котором печатал собственные стихи и рассказы под псевдонимами Анатолий Грант и К-о, а также и первые стихи Анны Андреевны Горенко, ставшей вскоре его женой и прославившейся под именем Анны Ахматовой — они были знакомы еще по Царскому Селу.

Вернувшись в мае 1907 года в Россию, 20 июня он уже вновь был в Париже, пытаясь осмыслить случившееся с ним за два киевско-московско-петербургских месяца: и встречу с Брюсовым, и освобождение от воинской службы, и очередной отказ Анны Горенко

выйти за него замуж. Это были отказы, очень глубоко ранившие душу «конкистадора». Известно, что после двух из них Гумилев пытался покончить с собой.

В Париже же в 1908 году Гумилев выпустил свою вторую книгу стихов — «Романтические цветы». Из Парижа он еще в 1907 году совершил свое первое путешествие в Африку. По-видимому, путешествие это было предпринято наперекор воле отца, по крайней мере, вот как пишет об этом А. Ахматова:

«Об этой своей мечте [поехать в Африку]... поэт написал отцу, но отец категорически заявил, что ни денег, ни его благословения на такое (по тем временам) «экстравагантное путешествие» он не получит до окончания университета. Тем не менее, Коля, невзирая ни на что, в 1907 году пустился в путь, сэкономив необходимые средства из ежемесячной родительской полочки. Впоследствии поэт с восторгом рассказывал обо всем виденном: как он ночевал в трюме парохода вместе с пилигримами, как разделял с ними их скудную трапезу, как был арестован в Трувилле за попытку пробраться на пароход и проехать «зайцем». От родителей это путешествие скрывалось, и они узнали о нем лишь постфактум. Поэт заранее написал письма родителям, и его друзья аккуратно каждые десять дней отправляли их из Парижа».

В 1908 году Гумилев вернулся в Россию. Теперь у него уже было некоторое литературное имя.

В период между 1908 и 1910 годом Гумилев завязывает литературные знакомства и входит в литературную жизнь столицы. Живя в Царском Селе, он много общается с И. Анненским. В 1909 году знакомится с С. Маковским и знакомит его с Анненским, который на короткое время становится одним из столпов основываемого Маковским журнала «Аполлон». Журнал начал выходить в октябре 1909, а 30 ноября того же года Анненский внезапно умер от разрыва сердца на Царскосельском вокзале в Петербурге. Сам Гумилев с самого же начала стал одним из главных помощников Маковского по журналу, деятельнейшим его сотрудником и присяжным поэтическим критиком. Из года в год он печатал в «Аполлоне» свои «Письма о русской поэзии». Лишь иногда его в этой роли сменяли другие, например Вяч. Иванов и М. Кузмин, а в годы войны, когда он был на фронте — Г. Иванов.

Весной 1910 года умер отец Гумилева, давно уже тяжело болевший. А несколько позже в том же году, 25 апреля, Гумилев женился на Анне Горенко. После свадьбы молодые уехали в Париж. Осенью того же года Гумилев предпринял новое путешествие в Африку, побывав на этот раз в самых малодоступных местах Абиссинии. В 1910 же году вышла третья книга стихов Гумилева, доставившая ему широкую известность — «Жемчуга». Книгу эту Гумилев посвятил Брюсову, назвав его своим учителем.

В 1911 году у Гумилевых родился сын Лев. К этому же году относится рождение литературного объединения «Цех поэтов» и нового литературного течения — акмеизма, признанным вождем которого стал сам Гумилев.

Провозглашенный им акмеизм в его собственном творчестве всего полнее и отчетливее выразился в вышедшем именно в 1912 сборнике «Чужое небо», куда Гумилев включил и четыре стихотворения Теофиля Готье, одного из четырех поэтов — весьма друг на друга непохожих — произведения которых акмеисты назвали для себя образцовыми. Одно из четырех стихотворений Готье, вошедших в «Чужое небо» («Искусство»), может рассматриваться как своего рода кредо акмеизма. Через два года после этого Гумилев выпустил целый том переводов из Готье — «Эмали и камеи» (1914).

В эти годы, предшествовавшие мировой войне, Гумилев жил интенсивной жизнью: «Аполлон», «Цех поэтов», «Гиперборей» (небольшой журнальчик, возникший при «Цехе поэтов» и выходивший в 1912–1913), литературные встречи на «башне» у Вячеслава Иванова, ночные сборища в «Бродячей собаке» (литературно-артистическое кабаре). Но не только это, а еще и поездка в Италию в 1912, плодом которой явился ряд стихотворений, первоначально напечатанных в «Русской мысли» (постоянными сотрудниками которой в эти годы стали и Гумилев и Ахматова) и в других журналах, а потом вошедших большей частью в книгу «Колчан»; и новое путешествие в 1913 в Африку, на этот раз обставленное как научная экспедиция, с поручением от Академии наук.

Об этом путешествии в Африку (а может быть, отчасти и о прежних) Гумилев писал в напечатанных впервые в «Аполлоне» «Пятистопных ямбах»:

Но проходили месяцы, обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер — мне нравились их пятна —
И то, что прежде было непонятно,
Презренье к миру и усталость снов.

Люди, хорошо знавшие Гумилева, отмечали, что это был человек, который словно специально искал опасности, словно постоянно испытывал судьбу. Так, еще незадолго до войны, у него была дуэль с М. Волошиным, с которым они были приятелями. Ссора произошла из-за недоброжелательного отзыва Гумилева о стихах молодой поэтессы, которой помогал Волошин, редактируя ее стихи. Волошин оскорбил Гумилева, и тот настаивал на дуэли, добиваясь того, чтобы стрелять только до смерти одного из участников и обязательно с расстояния в пять шагов. С большим трудом удалось уговорить на пятнадцать... Первым стрелял Гумилев, но в противника не попал. Ответный выстрел не последовал, пистолет Волошина дал осечку. Гумилев согласился на второй раз, но пистолет опять дал осечку. Секунданты не дали согласия на третий выстрел, и Гумилев «безмолвный, гордый ушел к автомобилю». Только в 1921 году они с Волошиным пожали друг другу руки...

Первая мировая война сломала привычный ритм жизни. Спустя 24 дня после объявления войны, 24 августа, несмотря на полученное еще в 1907 году из-за косоглазия освобождение, он записывается добровольцем в лейб-гвардии уланский полк.

Как и ко всему, что делал, к своему участию в войне Гумилев отнесся крайне серьезно. Добившись зачисления «охотником» в армию и выбрав кавалерию, он тут же стал тренироваться, совершенствоваться в стрельбе, езде и фехтовании. Фронт был не за горами — уже в октябрьские дни начались бои.

Служил Гумилев прилежно, отличался храбростью — о том говорит и быстрое его продвижение до прапорщика, и два Георгиевских креста — IV и III степеней, которые давались за исключительное мужество. Был в уланском полку, затем в гусарском. По воспоминаниям современников, в дружбе был верен, в бою — отважен, даже безрассудно храбр. Вот, например, что рассказывал А. Посажной, бывший тогда штаб-ротмистром, о случае, когда его, прапорщика Гумилева и штаб-ротмистра Шахназарова обстреляли с другого берега Двины немецкие пулеметчики. Оба штаб-ротмистра спрыгнули в окоп, «Гумилев же нарочно остался на открытом месте и стал зажигать папиросу, браврируя своим спокойствием. Закурив папиросу, он затем тоже спрыгнул с опасного места в окоп, где командующий эскадроном Шахназаров сильно разнес его за ненужную в подобной обстановке храбрость — стоять без цели на открытом месте под неприятельскими пулями».

В Собрании сочинений Гумилева, кроме этого воспоминания, собрано и немало других, говорящих о том, что и в полку он старался не выходить из сферы творчества: писал и читал стихи, рисовал, даже вел споры о поэтике, когда попадался собеседник.

Уйдя на фронт в 1914, Гумилев, естественно, выбыл из литературной жизни столицы, не мог на нее влиять. «Цех поэтов» распался, что еще раз подтвердило: Гумилев был в нем стержнем, основным звеном. И, конечно же, перестали появляться в «Аполлоне» знаменитые гумилевские «Письма о русской поэзии». Зато вместо них Гумилев стал публиковать в «Биржевых ведомостях» свои «Записки кавалериста», которые появлялись в течение года и привлекали внимание публики. Всего состоялось 12 публикаций, сопровождаемых пометкой: «От нашего специального военного корреспондента».

До 1916 года Гумилев ни разу не был даже в отпуске. Но в 1916 году он провел в Петербурге несколько месяцев, будучи откомандирован для держания офицерского

экзамена при Николаевском кавалерийском училище. Экзамена этого Гумилев почему-то не выдержал и производства в следующий после прапорщика чин так и не получил.

Октябрьская революция застала Гумилева за границей, куда он был командирован в мае 1917 года. Он жил в Лондоне и Париже, занимался восточной литературой, переводил, работал над драмой «Отравленная туника». В мае 1918 года он вернулся в революционный Петроград. В том же году состоялся его развод с Анной Ахматовой, а в следующем году он женился на Анне Николаевне Энгельгардт, дочери профессора-ориенталиста.

Вернувшись в Советскую Россию, Гумилев окунулся в тогдашнюю горячую литературную атмосферу революционного Петрограда. Как многие другие писатели, он стал вести занятия и читать лекции в Институте истории искусств и в разных возникших тогда студиях — в «Живом слове», в студии Балтфлота, в Пролеткульте. Он принял также близкое участие в редакционной коллегии издательства «Всемирная литература», основанного М. Горьким, и вместе с А. Блоком и М. Лозинским стал одним из редакторов поэтической серии. В 1918, вскоре после возвращения в Россию, он задумал переиздать некоторые из своих дореволюционных сборников стихов: появились новые, пересмотренные издания «Романтических цветов» и «Жемчугов»; были объявлены, но не вышли «Чужое небо» и «Колчан». В том же году вышел шестой сборник стихов Гумилева «Костер», содержащий стихи 1916–1917, а также африканская поэма «Мик» и книга стихов «Фарфоровый павильон». 1919 и 1920 были годами, когда издательская деятельность почти полностью приостановилась, а в 1921 году вышли два последних прижизненных сборника стихов Гумилева — «Шатер» (стихи об Африке) и «Огненный столп».

Гумилев активно участвовал и в литературной политике. Вместе с Н. Оцупом, Г. Ивановым и Г. Адамовичем он возродил «Цех поэтов» (это был уже третий «Цех», второй возник в 1917, но вскоре распался). «Цех поэтов» должен был быть «беспартийным», не чисто акмеистским, но ряд поэтов отказался в него войти, а Ходасевич кончил тем, что ушел. Уход Ходасевича был отчасти связан с тем, что в петербургском отделении Всероссийского союза поэтов произошел переворот и на место Блока председателем был выбран Гумилев. В связи с этим много и весьма противоречиво писалось о враждебных отношениях между Гумилевым и Блоком в эти последние два года жизни обоих, но эта страница литературной истории до сих пор остается до конца не раскрытой.

Гумилев с самого начала не скрывал своего отрицательного отношения к большевистскому режиму. По словам А. Левинсона, встречавшегося с ним во «Всемирной литературе», Гумилев «о политике почти не говорил: раз навсегда с негодованием и брезгливостью отвергнутый режим как бы не существовал для него».

Жизнь Гумилева трагически оборвалась в августе 1921. 3 августа 1921, за четыре дня до смерти А. Блока, Гумилева арестовали за «должностное преступление», хотя ни на какой должности он и не состоял. Примерно 24 августа его расстреляли. Список расстрелянных содержал 61 имя. Гумилев фигурировал в списке под № 30, и о нем в официальном сообщении было сказано:

«Гумилев Николай Степанович, 33 лет, бывший дворянин, филолог, поэт, член коллегии «Изд-ва Всемирная литература», беспартийный, офицер. Участник Петроградской Боевой Организации, активно содействовал составлению прокламации контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности».

Долгие годы это было официальной версией. Но вот в журнале «Новый мир» № 12 за 1987 год появилось сообщение юриста Г. Терехова, который в бытность его старшим помощником Генерального прокурора СССР и членом коллегии Прокуратуры СССР изучал по долгу службы все секретные материалы, находившиеся в архиве. По делу установлено, пишет Терехов, что преступление Гумилева заключалось в том, что он «не донес

органам Советской власти, что ему предлагали вступить в заговорщицкую офицерскую организацию, от чего он категорически отказался». Никаких других обвинительных материалов, которые изобличали бы Гумилева в участии в антисоветском заговоре, в том уголовном деле, по материалам которого осужден Гумилев, нет. Там содержится лишь доказательство, подтверждающее недонесение им о существовании контрреволюционной организации, в которую он не вступил. Мотивы поведения Гумилева зафиксированы в протоколе его допроса: поэта пытался вовлечь в антисоветскую организацию его друг, с которым он учился и был на фронте. Предвзятости дворянской офицерской чести, как он заявил, не позволили ему пойти «с доносом».

В воспоминаниях о Гумилеве не раз цитировалась фраза из его письма к жене из тюрьмы: «Не беспокойся обо мне. Я здоров, пишу стихи и играю в шахматы». Упомянулось также, что в тюрьме перед смертью Гумилев читал Гомера и Евангелие. Написанные Гумилевым в тюрьме стихи не дошли до нас. Они были, вероятно, конфискованы. Гумилев — первый в истории русской литературы большой поэт, место погребения которого даже неизвестно. Как сказала в своем стихотворении о нем Ирина Одоевцева:

И нет на его могиле
Ни холма, ни креста — ничего.

Николай Гумилев стал первым, с которого начался счет поэтов, убитых Советской властью, — за ним следуют тени О. Мандельштама, П. Васильева, Т. Табидзе, Б. Корнилова...

В сталинские времена физическая смерть расстрелянного поэта — не говоря уж о том, что о ней даже не сообщили бы — означала бы и его литературную смерть. В те времена это было не так, или не совсем так. В 1921–1922 памяти Гумилева посвящались вечера, кружок «Звучащая раковина» приготовил посвященный ему сборник стихов. В 1922 выходили еще в России сборники стихов Гумилева и его переводы, в том числе посмертный сборник стихотворений с предисловием Г. Иванова. В 1923 вышел, также с предисловием Г. Иванова, сборник статей Гумилева «Письма о русской поэзии». С течением времени вокруг имени Гумилева образовалась завеса молчания. Но читатели и почитатели у него оставались. Стихи его распространялись в рукописи, заучивались наизусть; по его строкам, говоря словами поэта Николая Моршена, выросшего под советским режимом и оказавшегося в эмиграции во время войны, узнавали друг друга единоверцы.

Судьба Николая Гумилева заставляет вспомнить слова другого страдальца времени, замечательного писателя Александра Солженицына:

«Несчастливая гуманитарная интеллигенция! Не тебя ли, главную гидру, уничтожали с самого 1918 года — рубили, косили, травили, морили, выжигали? Уж, кажется, начисто! уж какими глазами шарили, уж какими метлами поспедали! — а ты опять жива? А ты опять тронулась в свой незащищенный, бескорыстный, отчаянный рост!..»